

Протоиерей
Владислав Свешников

Молитвенные завы

утра и вечера

Владислав Свешников

Молитвенные зовы утра и вечера

«Издательство Сретенского Монастыря»

2022

УДК 271
ББК 86.372

Свешников В.

Молитвенные зовы утра и вечера / В. Свешников —
«Издательство Сретенского Монастыря», 2022

ISBN 978-5-7533-1730-8

Автор этой книги протоиерей Владислав Свешников — доктор богословия, долгие годы бывший профессором нравственного богословия в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, — хорошо известен читателям. В своей новой книге о. Владислав обращает внимание на серьезный недостаток в религиозной жизни многих верующих людей — многолетнее невнимательное «вычитывание» утренних и вечерних молитв, совершаемое без участия ума и сердца, и, как следствие этого, неумение внимать церковной молитве, что в конечном итоге приводит вообще к бесплодию в любом духовном делании. Автор раскрывает главные причины такой псевдомолитвы, а также предлагает читателю произвести «ценностную переустановку», открыть для себя и понять глубокие смыслы молитвенных текстов во всем их объеме, чтобы научиться истинной молитве — личному обращению к живому Богу. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 271
ББК 86.372

ISBN 978-5-7533-1730-8

© Свешников В., 2022
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2022

Содержание

Введение	6
Вступительные молитвы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Протоиерей Владислав Свешников

Молитвенные зовы утра и вечера

© Свешников В. В., прот., 2022

© Сретенский монастырь, 2022

Введение

Прекрасна, многозначительна и возвышенна жизнь тех людей, кому явлен истинный смысл жизненного устройства, сопряженного с глубокими духовными переживаниями и открытого для той бытийной полноты и знания, которые превыше всего земного. Но часто люди и сами толком не понимают, когда, как и почему и в чем конкретно в них открылись эти высшие жизнь и знание. К сожалению, для многих опыт этот остается столь туманным и малоопределенным, что они неспособны облечь его в слова. Кроме того, по большей части они и вовсе не отдают себе отчета, имеется ли у них это духовное знание, или в них живет и действует скорее полужнание. И все же полужнание, или частичное знание, и полужизнь, или частичная жизнь, лучше, чем полное незнание и нежизнь. Потому что даже и при столь печальной реальности – когда человек едва осознает собственный духовный опыт – можно все же надеяться и ожидать от него хотя бы самых смутных, ошибочных и неустойчивых религиозных переживаний; а затем жизнь может внести сюда свои серьезные коррективы, и тогда начнется все самое настоящее; а может и ничего не внести – и тогда ничего не начнется. Но так или иначе, хотя бы смутно и иррационально, душа может ощущать в себе поиск высших смыслов бытия.

Если же вести речь о вступившем в свое дело живом религиозном опыте, то такой опыт хотя бы отчасти реализуется при обращении к высшему бытию (к Богу), и подобный призыв привычнее и вернее всего было бы назвать молитвой. Но даже если в жизненной реальности человека происходит то, что выше было определено как «нежизнь», психологически и он все же может пережить некий опыт, отчасти похожий на то, что у верующих в Бога людей называется молитвой. Но вряд ли нам есть смысл всматриваться в обстоятельства жизни людей практически почти нерелигиозных. Это не наше дело. Лучше всмотримся – и подумаем о тех людях, кто живет хотя бы и слабо выраженной, но все же несомненно содержательной религиозной жизнью. Одним из явных и верных признаков такой жизни оказывается то, что действительно может быть названо молитвой, то есть обращением человека к Богу, хотя он и далеко не всегда делает это как подобает – потому что плохо умеет прислушиваться не только к Богу, но и к самому себе.

Так часто и столь многие верующие люди – как кажется, живущие вполне осознанно в христианской действительности, иные даже довольно долго, – подходя к таинству Покаяния, исповедуют священнику среди прочих своих грехов только одно, известное почти всем несовершенство религиозного опыта. «Я, – говорят они, – когда встаю на молитву, например при чтении утреннего или вечернего правила, с печалью замечаю за собой, что многие слова молитв воспринимаются мной поверхностно, проходят сквозь меня часто не только безо всякого внутреннего сочувствия, но и безо всякого внимания с моей стороны. И так получается, очевидно, потому, что в это время голова моя забита другими мыслями, порой не просто посторонними, но и совершенно пустыми, а то и вовсе греховными. И ничего с собой поделать не могу». И такое наблюдение их за собой оказывается вполне справедливым.

Другие же даже если и не говорят на исповеди ничего подобного, то вполне отчетливо признают за собой это печальное обстоятельство. Одни не выносят этого на исповедь, потому что не умеют разглядеть в этом никакого повода к покаянию. А иные просто привыкают и на самом деле ничего с собой поделать не могут. Многие свыкаются с таким положением дел настолько, что даже перестают видеть в этой ситуации что-то непристойное в нравственном отношении, но все же как факт они это отмечают – впрочем, не все и не всегда. Более того, это замечается не только как вполне вошедший в привычный образ жизни факт, искажающий личное «келейное» молитвенное упражнение, – в точности такое же явление оказывается вполне заметным и во время общецерковной молитвы.

Это можно назвать вполне тривиальным жизненным феноменом, когда принципиально творческий аспект молитвы – проявление личной энергии при ее совершении – абсолютно искажает первоначальный смысл самого действия. И феномен этот касается не только молитвенного делания. Такое же искажение заметно, например, и при необходимости внимать чтению Священного Писания в церкви, и даже при домашнем чтении Евангелия, которое совершается по вполне сознательно принятой «благочестивой» установке (правда, имеющей несколько «солдатский» характер), – когда такая «процедура» осуществляется безо всякого внутреннего результата. И чем чаще и постоянной совершаются подобные «процедуры», тем заметнее становится их незначительная результативность и даже бессмысленность. К сожалению, хотя некоторый их результат и можно отметить, это результат двусмысленный и, в силу своей двусмысленности, – фальшивый. Ибо с одной стороны, будто бы совершается действие, имеющее позитивный духовный смысл (молитва, приклонение к слову Божию и проч.), а с другой стороны, этот духовный смысл совершенно *перекрывается* псевдодуховным содержанием – самыми пустыми мыслями. Причем чаще всего это очевидно самому молящемуся.

Иной раз откровенная пустота этих мыслей демонстрируется тем, что их даже и *мыслями*-то невозможно назвать – а в лучшем случае только *помыслами*, совершенно не связанными с *работой ума*, или лишь ощущениями, имеющими психологическую подоплеку, на которых мысль не успевает не только сосредоточиться, но даже и остановиться на мгновение, настолько они смутны и неуловимы; даже и различить эти ощущения практически невозможно в их безмысленном (бессмысленном) потоке, который по причине безмысленности даже и *потоком сознания* назвать нельзя, а разве что *потоком неконструктивной бессознательности*.

Но вполне нетрудно опознать и определить то, чем для личности – увы! – *перекрываются* духовные смыслы, которые должны были бы *открываться* в евангельских и молитвенных текстах, предстоящих перед взором или слухом молящегося человека, если бы только молитва его была истинной. Смыслы должны открываться – ибо они объективно в этих текстах открыты. Объективно открыты, а субъективно, для молящегося, оказываются закрытыми. Прискорбно, когда объективно открытая истина оказывается для человека мертвенно-закрытой!

Причина этой мертвенной закрытости не является для нас совершенной тайной. Даже когда речь идет о бесцеремонно торжествующей суете безмысленного кружения помыслов, причина эта в определенной степени объяснима: пока в личности не одержан окончательный христоносный триумф Духа над ветходержательным грехом, психологически обусловленная бессодержательность человеческих усилий оказывается – увы! – победоносной. То есть говорить не приходится даже о зачатке того духоносного сердечного напряжения, которое в итоге должно было бы привести к победному шествию христианского харизматического сознания. Больше того, у современных христиан часто не обретается даже соответствующих более-менее вразумительных установок.

Но речь идет не только о той бессмыслице псевдомолитвенной жизни, которую святитель Игнатий (Брянчанинов) называл «парительной» молитвой (когда увлекаемый помыслами ум как бы «парит» в воздухе). К сожалению, те христиане, кто не ведет напряженной духовной жизни, никуда не могут деться от *предметно живущих* в их сердцах «ценностей», *перекрывающих* путь к Богу, к небу. Божественная литургия не устает напоминать нам, христианским молитвенникам, об этих «ценностях», и не только напоминать – во время литургии постоянно возносится молитва об освобождении, избавлении от этих «житейских попечений»: «о избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды» просит Бога Святая Церковь на мирной ектенье. Состояния, выражаемые именно этими тремя словами – «скорбь», «гнев» и «нужда», – как это ни печально, пронизывают всю нашу жизнь и с глубокой и гулкой всеобъемлющей экзистенциальной пустотой наполняют все сердечные переживания, связанные как с нашими внутренними и внешними ценностными смыслами, так и с личными взаимоотношениями.

Прежде всего речь идет о тех негативных переживаниях, которые объемлются словом «скорби». Это род переживаний, имеющих самую разнообразную – как наименее отчетливую, так и самую острую – психологическую насыщенность и доходящих порой до психической патологии (как, например, депрессия, невроз, фрустрация¹).

Все сколько-нибудь религиозно живущие люди, несомненно, знают по своему опыту, что ничто не препятствует осознанности молитвенных переживаний (и вообще духовной осмысленности в переживании бытия) столь явственно, как разнообразные *скорби*. Особенно собственная жизнь далеко отодвигается от Бога, когда эта серьезная психологическая проблема, даже при ее очевидной мотивированности, совсем не осознается самим человеком (хотя жизнь его сама по себе, безусловно, при этом является трудной). Следует еще добавить – порою так сладки могут быть собственные скорбные переживания, что невероятно тяжело бывает от них оторваться, а уж тем более совсем избавиться. Впрочем, если иметь в виду не только скорби, порой надуманные и нелепые, но и собственные радостные переживания, в их пустом, автономном значении (переживания оторванного, самоустранившегося от Бога сознания), – то они точно так же при соотнесении с молитвенными ощущениями окажутся только мешающими, а не помогающими молитве.

Все знают по собственному опыту, насколько тяжелы переживания, когда они связаны с личными отношениями. Очевидно также, что особенно горько могут складываться отношения между близкими родственниками: уж кто-кто, а люди, живущие религиозными смыслами, очень хорошо способны себе представить, что родственные отношения далеко не всегда бывают приятными и безоблачными, даже когда их основанием вроде бы является любовь. Увы! – так часто ведущим мотивом в отношениях между любящими друг друга людьми становится очевидная, хотя порой и малообъяснимая скандальность. Но поскольку почти для каждого человека вполне обычно ощущение собственной правоты, то когда такая «собственная правота» встречается с другой «собственной правотой», сколь часто эта встреча, имеющая характер столкновения, высекает искры!

Очень печально сознавать, что эта горькая эгоцентрическая скандальность не прекращается с окончанием собственно скандала, а продолжает довлеть над проявившими свой дурной нрав его участниками – иной раз в течение часа, иной раз – нескольких часов, а то и долгих лет. Таким образом, когда нормой человеческих отношений становится не любовь, предуказанная Богом, а в лучшем случае любовь, искаженная плотски-душевым пристрастием (от которой до ненависти, как известно, один только шаг), или когда, что бывает еще чаще, неприязнь (иначе говоря, *гнев*) руководит человеческими отношениями, – то внутреннее переживание этого гнева продолжается даже тогда, когда наступает время молитвы. И эта дурная, *гневная* память, вступая в дело, совершает свое печально известное разрушительное действие, а молитва, соответственно, отступает.

Третье слово (после «скорби» и «гнева») – «нужда» – таит в себе специфическое пространство огромного, многообразного и многосодержательного материала, отчасти совпадающего со скорбью и гневом, – материала, который, действуя в уме и в сердце, особенно упорно противостоит молитве и для которого особенно остро характерен *субъективизм*. Нужда есть некоторое ощущение жизненной потребности в том, что представляется одновременно насущно необходимым, а в реальности – либо вовсе отсутствующим, либо, если и имеющим место, то в крайне недостаточном объеме.

Но субъективизм таких ощущений состоит именно в том, что непреложность *нужды*, психологически обусловленная представлениями о ней человека, на деле чаще всего оказыва-

¹ Фрустрация – особое эмоциональное состояние, возникающее, когда человек, сталкиваясь с какими-либо препятствиями, не может достичь своих целей и удовлетворение какого-либо желания или потребности становится невозможным. Фрустрация может возникать как вследствие столкновения с внешними преградами, так и при внутриличностном конфликте.

ется иллюзорной. А именно: необходимым ему *представляется* то, что в реальности является излишним. Особенно это очевидно по отношению к потребительским идеалам, содержанием которых могут быть продукты, предметы быта и т. п. В целом эта кажущаяся потребность находится в области мечтательной. Правда, следует оговориться, что для многих людей, живущих бедно, нужда, и порою довольно острая, есть безусловная и суровая реальность. И лишь глубокая насыщенность жизни духовной перспективой открывает возможность для человека всегда и за все быть благодарным Богу. Такая *святая перспектива* есть дело нечастое. Поэтому большей частью ощущение нужды, возникающее вначале как простое, мимолетное, разовое пожелание (*хотение*) – если его не удовлетворить, а с ним жить, – становясь никогда не насыщаемым, обращается в непрекращающуюся *прихоть*, а в наиболее психологически острых ситуациях – в болезненную *похоть*. И тогда человек внутренне окружен, как комариными стадами, тучами бессмысленных помыслов (включая *скорбные* и *гневные*) – из разряда прихотей и похотей.

Среди всех этих комариных туч ценностных помыслов, которые так занимают сердце и ум и которые в этом неконструктивном брожении часто бывает совсем нетрудно разглядеть и определить, – почти невозможно уловить и сформулировать, в чем состоит негативное влияние вызванных ими психологических ощущений, в основном фрустрационного характера. Но людям, чья жизнь проходит в духовно-нравственном пространстве христианского опыта, едва ли и полезно подробно рассматривать эти психологические брожения.

Следует отметить, что если в человеке не работает (ибо должным образом не сформирована) установка на то, чтобы *постоянно* удерживать верно направленное внимание ума и сердца, то внимание, хотя и несильно понуждаемое (но все-таки – понуждаемое!), станет держаться близ тех смыслов, в которых оно должно удерживаться, *по внутреннему заданию*; но если установка совершенно не работает, то и смыслы не удерживаются даже в самой малейшей степени.

Наконец – самое главное. Для того чтобы смыслы (например, молитвы) были услышаны сознанием, необходимо прежде всего, чтобы они были *поняты* во всей полноте своего вербального объема, а затем *приняты* и *усвоены*, то есть сделались *как свои* для человека, входящего в процесс молитвы. Это доступно не каждому. Для того, кто не вошел в духовно-религиозный процесс внутреннего осмысления жизни – хотя бы в самых первичных, начальных переживаниях, – даже самые простые слова молитв окажутся понятными лишь иллюзорно, возможно, будет оценено их художественное значение, но они не будут осмыслены через призму христианского восприятия как личное обращение к живому Божеству. С самых первых слов молитвенного обращения («Господи, Боже мой») для того, в чьем сознании Бог не стал реально и лично необходимым как Господин бытия в целом и каждого человека в отдельности (здесь можно добавить: «и лично для меня»), – слова молитвы могут оказаться самыми малозначущими, а то и вовсе пустыми звуками.

Но даже при проснувшемся религиозном чувстве не так часто случается то, что реальные, и порою чрезвычайно значимые, жизненные обстоятельства оказываются естественным поводом, чтобы обратиться к Богу подобающим образом. Причины обращения могут быть самыми разнообразными, но чаще всего они сводятся к двум: либо человек встает перед серьезной необходимостью освободиться самому (или его наиболее близким людям) от каких-либо негативных жизненных обстоятельств (тяжелая болезнь, нищета – в общем, скорби); либо – что практически одно и то же – хочет получить от Бога какие-либо давно желанные жизненные перспективы (брак, развод, хорошая оценка на экзамене и многое другое). Причины такого рода обращения к Богу могут быть вполне понятными и даже уважительными. Но беда в том, что для очень многих людей они могут оказаться единственной мотивацией, постоянной и очень опасной тенденцией воспринимать Бога как «золотую рыбку» или «бюро добрых услуг».

И в таком случае мы имеем дело с мнимохристианской обращенностью. Но можно ли в действительности называть это молитвой?

И дело не только в том, что из жизни в таком случае вовсе выпадают иные, гораздо более существенные и даже, можно сказать, главные причины обращения к Богу – славословие, благодарение, покаяние; они даже не приходят на ум. Есть опасность, что, по мере того как исполняется просимое, Бог уже перестанет быть нужным – во всяком случае пока не возникнут другие серьезные житейские обстоятельства. Еще печальней обстоит дело, когда человек обретает пустую, бессмысленную привычку мниморелигиозного свойства, связанную с иллюзорной необходимостью проводить свою жизнь в русле общепринятой церковной традиции: довольно регулярно он посещает церковное здание (причем его с головой выдает это нелепое словцо – «посещает»), больше того – прибегает порою (некоторые люди довольно нередко) к церковным таинствам, и чаще всего к Покаянию (обычно без всякого подлинного покаяния) и к Причастию Святых Христовых Таин. Кажется, что жизнь в соответствии с Преданием имеет верную направленность и даже сама по себе интересна. Но на этом – все! Таким образом создается по сути вполне заурядная, но вместе с тем порою довольно яркая *мистическая мистификация* (или профанирование) духовной жизни. Жизнь проходит в мнимостях.

Так же создаются и *молитвенные мистификации*. Схемы духовной жизни довольно однообразны. Однообразны и ошибки при реализации этих схем. В этой реализации одинаково важны и *объект* религиозной жизни, и *акт*, и *содержание*. Почти всё – во мнимостях. Разумеется, это относится и к молитвенному устройству.

По-видимому, наименее вероятны ошибки по отношению к *объекту* веры. Реально объект веры есть всегда Бог. Но на практике это так только в тех случаях, когда речь идет о христианской вере, еще точнее – о ее православном пространстве. Даже в католическом изводе, как известно, переживание и знание *Объекта* веры (во всем ее объеме, включая и молитву) неизбежно связано с некоторыми вероучительными неточностями. Еще более вероятны неточности при рассмотрении *Объекта* – Бога – через призму других, ошибочно-церковных и внецерковных (смутных языческих и интеллигентски-невнятных) представлений.

К сожалению, далеко не всегда достаточно ясные, объективные представления о вере, связанные с различными жизненными аспектами, складываются даже у людей, реализующихся, как кажется, вполне в русле православного самосознания. Так часто хорошее православное знание и переживание на деле оказывается либо в изрядной мере мифологичным, либо очень слабо религиозным.

Основное направление личной молитвенной мысли имеет почти исключительно *просительный* характер – почти все исполнено земными переживаниями и насыщено соответствующими действиями. Подобные нестроения могут иметь место и при чтении обычных утренних молитв, наполненных просительными смыслами, что само по себе является вполне естественным, поскольку прошения в этих молитвах насыщены небесными контекстами: «Господи, не лиши мене небесных Твоих благ; Господи, избави мя вечных мук» и проч. Очень хорошо и правильно, когда подобные слова из печатных текстов органично переливаются в личное сердечное молитвенное сознание, а затем становятся содержанием подлинной жизни. Но к сожалению, опыт дает печальную возможность видеть, что подобные смыслы редко находят точное соответствие в уме и в сердце; а это означает, что в основном ум и сердце заняты иным. Это иное содержание, *земное*, не находит верного контакта с *небесным*, поэтому и сам акт молитвы в таком случае оказывается за пределами православного предания.

Так, например, православное предание о молитве утверждает, что правильным завершением молитвенного прошения всегда были бы (о чем бы ни шла речь в самом прошении) следующие слова: «Однако не якоже аз хочу, но яко Ты, Господи, да будет на все Твоя святая воля», что находит свое отражение даже в молитве Господней («да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли»). И вообще молитвенный акт, в соответствии с православным преданием, должен все-

гда совершаться с тем гармоничным сочетанием поклонения и славословия, в котором всегда должно было бы проявляться обращение ко Святому Богу не только в просительном контексте, но и в покаянном, и в благодарственном – что с особенной силой, присущей церковному знанию, открывается в глубоком литургически-евхаристическом священном благовестии. Евхаристия в своем молитвенном напряжении всегда одинакова – идет ли речь об индивидуальном или общественном, общецерковном обращении к Богу. Точнее говоря, литургический смысл переходит в личное евхаристическое духовно-нравственное переживание.

Предложенное здесь знание об объекте, содержании и акте молитвенного делания, в его идеале и в конкретной осуществляемости, открывает возможность простого и осязаемого понимания того, что реальность далеко отстоит от идеала. Большой частью вопрос заключается не в том, что при чтении «молитвенного правила» не хватает простой собранности и внимания. Главная причина несовпадения направленности традиционных молитв, принятых в православных текстах, с ценностными этико-психологическими установками современного человека состоит в земных склонностях века сего, определяющих современные личностные жизненные смыслы. Требуется глубокая внутренняя ценностная переустановка представлений человека, живущего вполне земными ценностями и соответствующими личными склонностями, обусловленными, как правило, исключительно психологическими факторами, – чтобы прийти в конечном итоге к обновленному, подлинно христианскому сознанию и жизненному устройству, включающему и молитвенный опыт жизни. *Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12:2).

Отчасти же требуется и специальное внимание к общепринятым молитвословным текстам, чтобы органично усвоить их содержание и смыслы. Не все в них просто и очевидно. Нужно приложить труд для личного усвоения каждого слова как переданного святыми отцами наследия и одновременно – как своего собственного. А для этого необходимо медленно и вдумчиво прочитать эти тексты, внимательно и сердечно всматриваясь в каждое слово. Тогда, может быть, все утренние молитвы будут открывать для нас начало новой жизни. А вечерние – оказываться последним вечером земного бытия и итогом всех духовных предначертаний перед началом иного бытия; сим и завершается покаянная подготовка к вечности. И тогда, может быть, каждое утро и каждый вечер при чтении правил будут сказаны хотя бы *пять слов умом*, что, в соответствии с рассуждением святого Павла, лучше, чем *тысяча слов языком* (ср.: 1 Кор. 14:19).

* * *

Автору мнится, что едва ли было бы целесообразным богословски скрупулезно рассматривать здесь все подробности текстов утреннего и вечернего молитвенных правил. За небольшими исключениями, в них почти всё и почти всем понятно; но увы, многим это «почти всё» представляется довольно устаревшим и несколько скучноватым. «Это всё не мои слова», – скажет (или лениво подумает) об этих молитвах иной читатель. Ведь он помнит их почти наизусть, но вот, правда, толку от этого никакого – остается в сердце пустая и бесплодная мертвечина. Наверное, правильным был бы такой подход, при котором среди множества *слов*, произнесенных *языком*, хотя бы некоторое их количество (например, поначалу всего пять) остро входило в живую ткань сердечного ума (или умственного сердца).

Вступительные молитвы

Кажется, и не должно быть нужды специально заострять ваше внимание на тех молитвах, которые *всегда* – и дома и в церкви – предшествуют всякому молитвенному правилу. Необходимость сердечно всматриваться почти в каждое слово каждой молитвы вполне очевидна. И утром, и вечером, и в любое время дня, когда совершается, во всей своей полноте, какое-либо молитвенное правило в Духе Божественном, оно должно начинаться с прославления Бога: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!» Ибо если творению предстоит Творец и переживание Творца для него, в его сердце, мертво с самого начала, то едва ли эта мертвенность сумеет ожить в дальнейшем сердечно-умственном переживании славы Божества. Если общепринятое прославление не переживается молящимися лично в напряженном осознании величия Божия и радостном поклонении Ему, то, скорее всего, и дальнейшее воспроизведение молитвословий будет осуществляться без должного внимания ко всему, что произносится. Таким образом, прежде всего необходимо настроить себя в духе прославления Божества. Иначе – беда. И только через покаяние можно будет вернуть себя в верное переживание прославления (каясь в том, что не умеешь и не хочешь славить Бога: «Прости, Боже!», «Слава Богу!»).

В обычном (то есть осуществляемом по преданию) духовном строе жизни только в таком случае и может совершаться молитва Духу Святому – как Царю.

Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.

«Царь Небесный» – этими словами именуется не только, как известно, Третья Ипостась Божества – Дух Святой, но и Первая Ипостась – Отец в Царстве Божиим, и Вторая Ипостась – Сын Божий, Иисус Христос. Сие видно из Священного Писания: об Отце сказано – *Господь сил, Той есть Царь славы* (Пс. 23:10), о Сыне – *Ты Царь Израилев* (Ин. 1:49) – и из содержания многих общепризнанных христианских молитв, обращенных отдельно к Каждой из Ипостасей; об этом же свидетельствует христианское богословие в целом. То же обращение прилагается ко всей полноте Божества. Таким образом, обращение к Духу Святому – «Царю Небесный» – не умаляет, но и не увеличивает значения и величия Бога. Пусть каждый молящийся, начинающий молитву с этих слов, торжественно и радостно осознает то, что он обращается к Третьей Ипостаси Божества, во Святой Троице поклоняемого, – а также все то, что из этого следует. Здесь можно к тому же отметить, что само слово «царь» в современной социально-политической действительности, выстроенной не по монархическому принципу и потому не обнаруживающей конкретных аналогов, могло бы вызвать у читателя недопонимание и поэтому неприятие. Но, слава Богу, в современной языковой исторической памяти это понятие пока еще сохраняется как образ высшей государственной власти. И даже, пожалуй, хорошо, что теперь слово «царь» в основном применяется для выражения высшей религиозной реальности.

«Утешитель». Это слово в молитве как раз направлено непосредственно к Третьей Ипостаси Божества, к Святому Духу. В Своей последней беседе с учениками, незадолго до предания Его на крестную смерть, Иисус Христос сказал: *Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам* (Ин. 14:26). Слово об утешении, в основном известное в своем нравственно-психологическом аспекте, уже в Ветхом Завете приобрело нравственно-духовный контекст: *буду утешаться заповедями Твоими* (Пс. 118:47). Еще более отчетливый смысл, одновременно нравственно-психологический и духовно-назидательный, оно приобрело в Новом Завете: *Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей... Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше* (2 Кор. 1:3–5). Таким образом, понятие духовного «утеше-

ния» в новозаветное время все более конкретизируется и обретает жизненную актуальность. Пусть знает каждый христианин, пусть помнит, что для него теперь, при наличии и действовании в нашей жизни Святого Духа, и желательно, и естественно в обычных земных скорбях и напастях уметь искать и просить всяческого *утешения*, потому что нам известен Утешитель.

Именно этот призыв и имя *Утешитель* приобретает особенный смысл и значение для нас, человеков; оно – единственное, которое соотносит содержание нашей жизни с постоянной промыслительной деятельностью Божества. Оно примечательным образом является существенным для тех, кто, переживая многие горести своей жизни, евангельски рассматривает крестное содержание человеческого бытия, а значит, скорбные переживания для них есть некая неизбежность. Но как же тогда можно *всегда* радоваться, по слову апостола (см.: 1 Фес. 5:16)? Это возможно лишь тогда, когда источником таинственного и предметного действия утешения становится Сам Святой Дух.

О Душе Святой, Утешителю! Прииди же и вселися в нас! О великая тайного Божественного утешения! О непрекращающаяся тайна Божественной любви!

«Дух истины». Это слово (и имя) дорого для тех, кому дорогá на деле и сама истина. *Блаженны алчущие и жаждущие правды* (Мф. 5:6) есть одно из первых учительных слов Спасителя. Поиск правды в высочайшей степени (образ чего и есть алчба и жажда) – особенность тех, кто, услышав (или произнеся) слова «Дух истины», скажет себе: вот Кому следует молиться, и тогда молитва будет *безошибочной*. Ошибка – это нарушение, разрушение истины, ошибка есть грех. Это оказывается особенно верным, если рассматривать слово «истина» («правда») в нравственно-духовном контексте. Потому что «правда» есть праведное, правильное (особенно в этическом контексте) устройство бытия, во всей его полноте – «езде сый и вся исполняй». Святая Церковь предлагает знание о Святом Духе как об объекте сопереживания высоконравственной жизни святых («сокровище благих») и о личном источнике бытия («и жизни подателю»). Само же молитвенное обращение к Нему по своему конкретному просительному содержанию отмечено чрезвычайной лаконичностью: мы просим о том, чтобы жизнь протекала в полном единстве с Богом – «прииди и вселися в ны»; об освобождении от нравственной нечистоты – «и очисти ны от всякия скверны»; и о пребывании во блаженной вечности – «и спаси, Блаже, души наша». Все три прошения находятся в тесной взаимосвязи настолько, что даже простое стремление к исполнению одного из них почти автоматически приводит к насыщенности всего молитвенного пространства личности, в величественной тайне ее духовного обращения: «Прииди, Блаже, и вселися в ны!»

Переживание святости и славы Божией, которое начинается уже здесь, при обращении к Царю Небесному, продолжается и далее и всегда, в полноте молитвенного смысла – требуя соответственного внутреннего наполнения. Иначе – и здесь, и далее, и всегда – может сказаться такая несообразность, при которой, с одной стороны, будут объективные слова молитвы, а с другой – личная ненасыщаемость ими сердца и ума, которые тогда уже окажутся наполненными неизвестно чем.

Дальнейшее последование неизменных молитвословий состоит прежде всего из известной, но загадочной и лаконичной ангельской песни: **Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас!** – трижды повторяемой, со столь же лаконичным продолжением:

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков, аминь.

Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святой, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради.

Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Здесь всё есть призыв к личной готовности для сердечного прославления Божества в Его Троичной святой экзистенции и бесконечном величии. И еще одно, главное слово во всей пол-

ноте бесконечной молитвенной повторяемости – это слово «помилуй», и неизвестно никакое другое императивное и просительное слово, настолько же обычное для повседневной религиозной обращенности. Столь милая нашему сердцу поразительная частотность этого слова в обычной личной и общецерковной практике с несомненностью свидетельствует о том, сколь необходимо вначале призывание, а за ним и действие Божественной милости – и всем, и каждому. Слишком понятно несовершенство личной внутренней и поведенческой действительности всех людей и предметных результатов такого несовершенства; следовательно, ясна и необходимость исправления, которое редко и безжизненно поддается собственным усилиям, а значит, необходимо действие высших сил – Божественной любви, милости. «Господи, помилуй!» – есть самое верное и лучшее слово неотступного обращения человека к Богу. И хорошо бы, если бы это слово на деле выражало для человека его постоянное сердечное желание. Это молитвословие может различным образом варьироваться, что следует даже из вышеприведенного молитвенного текста (например: «Пресвятая Троице, помилуй нас») и из разных других молитвенных чтений, включая все последование Божественной литургии; и как наиболее частые эти слова отмечаются в ектениях, но также встречаются и в других молитвах. (Здесь также можно отметить, что эти слова суть основные в известной Иисусовой молитве: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!»)

Это означает, что общий, главный смысл обращенности человека к Богу, первичная цель его религиозных исканий заключается в постоянном желании заручиться милостью Божией в любом своем деле, и особенно – когда это дело имеет отчетливо выраженную духовную направленность, уж тогда-то точно без милости Божией не обойтись. Милость же Божия есть предметное выражение Божественной любви; она-то и взыскуется в действии Божественной энергии, в Божественной благодати, – как в общей всеобъемлемости, так и применительно к любой конкретности: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!» И эти слова направлены к Богу главным образом ради взыскания от Него прощения, очищения от греха в тайне и таинстве Покаяния.

Нельзя не обратить внимания на то, что даже и в этих самых начальных молитвенных текстах предлагаются покаянные прошения: «Господи, очисти грехи наши; Владыко, прости беззакония наша...» – в них заложена самая суть того смиренного покаянного устроения, которому отводится значительная роль и в утренних и в вечерних молитвах. «Очисти» – то есть сотвори так, чтобы сотворенное мною худое дело оказалось якоже не бывшим (а худое сказанное слово – якоже не сказанным). «Прости» – то есть сотвори так, чтобы не стало между нами никакого сердечного препятствия. Если же догадаться, что в этом контексте слово «немошь» употребляется в смысле нравственного знания, а «исцеление» относится к освобождению от греха («исцели немощи наша»), то исцеление и предполагает со стороны Царя Небесного совершение Им над нами предметного покаяния.

Наконец, введение и в утреннее, и в вечернее, и во всякое другое молитвенное правило предваряется молитвой Господней «Отче наш...», а самой молитве Господней предшествует первое славословие Пресвятой Троице: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

К сожалению, в обычной православной практике реальный жизненный опыт покаяния, а особенно – реальный жизненный опыт славословия в целом выглядит глубоко удручающим (но в то же время может и должен быть и бывает весьма отрадным). По-видимому, сердечное состояние, относящееся к переживанию покаяния, и еще более – к переживанию славословия, далеко отстоит от того, которое предполагается соответствующими словами традиционных молитвенных текстов. Поэтому очевидно, что для тех, кто признаёт себя христианами, одной из первоначальных задач – и, соответственно, первичных установок христианского подвига – является воспитание духовного, благоговейного отношения к переживанию покаяния и славословия.

словия как важнейших аспектов духовного опыта, без которых религиозная жизнь, включающая в себя и молитву, беспредметна и иллюзорна, то есть практически невозможна.

Поэтому для многих людей очень правильным было бы начать свою духовную жизнь и молитвенное дело с самой простой молитвы «Господи, помилуй!», что означало бы: «Господи милостивый, молю Тя, научи меня любить и молиться, каяться и прославлять Тебя, ибо без этой духовной науки аз есмь ничтожество». Только постоянная готовность учиться – молить Бога о выведении нас из ничтожности к полноте духовного бытия – делает с нами все то, что сами мы оказываемся неспособными сделать.

Молитва Господня

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Яко Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

У многих людей нашего времени существует некоторый психологический барьер, препятствующий простому сопереживанию этой молитве, которая, казалось бы, имеет вполне очевидный и здравый смысл. Что-то, похоже, произошло в минувшем столетии – некий серьезный нравственно-психологический сдвиг. Не только слова «Отец Небесный», но и гораздо более простое слово «отец», в его генетическом и этическом смыслах, практически испарилось из современной действительности. Трудно разобраться, какая из утрат произошла раньше – религиозная или нравственная; скорее всего, обе вместе. Но все же в обычной семейной жизни теперь почти не наблюдается такого глубокого уважительного отношения, которое прежде (до XX века) органично вплеталось в общую систему традиционных семейных ценностей, тогда еще религиозно обусловленных, и занимало в ней подобающее место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.